

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.2.17-22

Корзо М.А.

О самоназвании и идентичности польских реформатов XVI–XVII вв.

Аннотация. В статье ставится под сомнение правомерность употребления терминов «кальвинист» и «кальвинизм» применительно к польским последователям складывающейся Евангелическо-реформатской церкви во второй половине XVI – начале XVII вв. и их вероучительным сочинениям. Анализируются различные варианты самоназваний данных последователей протестантизма и названий, которые давались им как представителями иных ветвей протестантизма, так и католиками. Делается вывод о незначительном влиянии богословских сочинений Жана Кальвина на катехизисы польских реформатов той эпохи и о множественности влияний (со стороны лютеран, Общины «чешских братьев», представителей базельской реформации, и др.), на становление конфессиональной идентичности польских реформатов.

Ключевые слова: Речь Посполитая, конфессиональная идентичность, Кальвин, сочинения Кальвина, кальвинизм, реформаты

Margarita A. Korzo

On the Selfname and Identity of the 16th–17th century Polish Reformed Churches

Abstract. The article questions the legitimacy of use of the terms “Calvinist” and “Calvinism” as applied to the Polish adherents of the emerging Evangelical-Reformed Church in the second half of the 16th – at the beginnings of the 17th centuries and their doctrinal writings. The author analyzes various versions of the self-names of these Protestant follows, and the names given to them both by adherents of other branches of Protestantism and by Catholics. The author comes to the conclusion, that the theological legacy of John Calvin exerted its influence only to an insignificant degree on catechisms of the Polish Reformed of that epoch, and with much more reason can be said about the existence of many other sources of theological inspirations (from Lutherans, Bohemian Brethren, follows of Johannes Oecolampadius, others), which had a significant impact on the confessional identity formation of the Polish Reformed churches.

Key words: Polish-Lithuanian Commonwealth, confessional identity, Calvin, Calvin’s works, Calvinism, Reformed churches

Корзо Маргарита Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН; 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; korzor@mail.ru

Margarita A. Korzo – PhD (History), Senior Research Fellow, Ethics Department of the Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences; 12/1 Gorcharnaya str., Moscow, Russia, 109240; korzor@mail.ru

Польские общины протестантов XVI–XVII вв., чьи последователи причисляют себя к Евангелическо-реформатской церкви, традиционно именуются в литературе кальвинистами, а их вероучение – кальвинизмом. Известны лишь единичные, хотя и не всегда последовательные попытки задуматься над правомерностью употребления данных терминов [Ewangelicyzm reformowany, 2015].

В данной статье сторонники данного течения протестантизма будут именоваться реформатами. Мы ставим перед собой задачу показать, как они сами себя называли в ту эпоху; как их именовали конфессиональные оппоненты и по каким основаниям выбирались те или иные названия. Будет предложен и один из подходов по реконструкции конфессиональной идентичности данной группы протестантов применительно к XVI–XVII вв.

Термин «кальвинизм», как принято считать, первыми стали использовать лютеране во время т.н. евхаристических споров, чтобы дистанцироваться от того понимания Вечери (как протестанты стали обозначать таинство Евхаристии), которое предлагал Жан Кальвин и его сторонники. Наиболее последовательно против такого словоупотребления выступили последователи Кальвина на территории Рейнского Пфальца, да и сам он воспринял его как оскорбление [Selderhuis, 2013]. Нет единого мнения по поводу того, когда впервые был использован термин «кальвинист». Ранее считалось, что термин «кальвинист» впервые встречается в 1555 г. в материалах городского совета Берна. Уве Плат установил, что данный термин присутствует уже в датированном октябрем 1553 г. письме нидерландского анабаптиста Дэвида Йориса Мигелло Сервету. Здесь «кальвинист» фигурирует без оценочной окраски, просто как обозначение последователей Кальвина. Иные оттенки это слово (лат. «calviniani») обретает лишь после смерти Сервета в приписываемом Себастьяну Кастеллионе труде «Historia de morte Serveti». Практически одновременно «calviniani» начинает всплывать в ряде писем и рассуждений о принципах веротерпимости базельских гуманистов, выразивших свой протест в связи с делом Сервета. И уже в 1554 г. в «Contra libellum Calvinii» Кастеллионе «кальвинизм» маркирует идеи самого Кальвина и носит выраженный пейоративный оттенок [Plath, 1975].

Польские сторонники формирующейся Евангелическо-реформатской церкви именовали себя очень по-разному, но все эти самоназвания обладали одинаковым статусом. Одним из них было «христианин» («chrześcijanin» или «chrystujan»), но конструировалось оно не от слова «крещение», а от слова «Христос» [Winiarska, 2004, 222–223]. «Kalwinista» (вариант: «kalwinita») и латинское «calvinistae» (всегда в форме множественного числа) встречается впервые в постановлениях Виленского синода 1557 г. Позднее такое самоназвание становится привычным и присутствует во многих официальных документах второй половины XVI – начала XVII в. Это говорит о том, что будущие реформаты всё-таки могли отождествлять себя с последователями Кальвина, хотя мы нигде не находим развёрнутого рассуждения или обоснования такого словоупотребления.

С 60-х гг. XVI в. в польском языке появляется и слово «ewangelik», которое могло прилагаться и к иным реформационным течениям – как собирательное понятие для будущих реформатов, лютеран и представителей Общины «чешских братьев». В единичных случаях этот термин фигурировал в памятниках права только для обозначения реформатов. «Kalwin» (форма мн. числа «kalwini») если и встречалось, то не всегда с оскорбительным оттенком. В качестве ругательства к нему прибегали преимущественно католики; при этом представители Общины «чешских братьев» использовали его как лишённое негативной оценки обозначение общин реформатов [Winiarska, 2004, 225].

Но гораздо чаще по отношению к данным общинам использовались иные названия. Они могли быть образованы от названий отдельных городов «genewczysu» (от Женева) или регионов Речи Посполитой – «małopolanie» (от Малой Польши). Данные наименования никогда не использовались как собирательные, распространялись только на конкретные общины, и это говорит о том, что интересующее нас течение в протестантизме ещё не воспринималось современниками как некое единое и цельное.

В XVI в. встречались и названия, отсылавшие к конкретной доктрине или течению богословской мысли. Подобные обозначения циркулировали главным образом

в полемической литературе. Они интересны тем, что указывают на близость богословских построений польских реформатов определённому направлению протестантской мысли – в той мере, в какой полемистам удалось данное сходство уловить. Примером могут послужить «цвинглиусы» или «околампадиусы» (производные от имён Ульриха Цвингли и Иоганна Эколампада) и спорадически встречающееся «капарнятове» [Sławiński, 2002, 145], отсылающее к названию города Капернаум и фрагменту Ин 6: 53–66. В последнем случае очевидно, что именно особое понимание реформатами таинства Вечери выступало главным моментом их конфессиональной идентичности в глазах полемистов.

Термин «kalwinizm» появляется в польском языке довольно поздно, встречается исключительно в католических сочинениях и с самого начала имеет оценочный и негативный оттенок. Впервые он был зафиксирован в 1632 г. в анти-протестантских проповедях польского доминиканца Фабиана Бирковского. Документально подтверждается лишь 7 случаев употребления в письменных источниках той эпохи термина «kalwinizm» [Winiarska, 2004, 211].

Помимо (само)названия конфессиональную идентичность интересующей нас группы протестантов можно отчасти реконструировать и на основе содержания их вероучительных текстов (в первую очередь – катехизисов). Подобного рода вероучительных само-деклараций во второй половине XVI – начале XVII вв. встречается не так и много: в Речи Посполитой не было создано ни одного сочинения, сопоставимого по полноте охвата богословского материала с «*Institutio religionis christianaе*» Кальвина. Нужный нам материал встречается также спорадически в актах синодов отдельных общин и иных административно-территориальных образований (дистриктов, провинций) в составе деклараций по вопросам веры (особенно многочисленных в период евхаристических споров с лютеранами), а также в памятниках полемического жанра. Но последние далеко не всегда отражали официальную позицию становящейся Реформатской Церкви, но лишь частные богословские мнения отдельных её членов [Radoń, 1993]. Значение могут иметь тексты исповеданий веры, которые зачастую не были оригинальными сочинениями, но переработкой или просто переводом «конфессий» иных реформационных общин Европы. К самым значительным памятникам на польской почве можно отнести «Сандомирское вероисповедание» (1570).

Сохранилось лишь несколько катехизисов той эпохи. Это могли быть как объёмные авторские (или условно авторские) сочинения, так и анонимная, массовая книжная продукция. В первую группу входят катехизис Миколая Рея (1543), который переработал сочинение лютеранина Урбана Региуса, сочинения богословов и полемистов Павла Гилёвского (1579) и Кшиштофа Краинского (1603). Анонимная массовая продукция состояла преимущественно из лаконичных катехетических поучений в составе песенников (*kancjonał*), самих текстов песнопений из этих песенников и букварных катехизисов в составе элементарных учебников для освоения навыков чтения.

На основе содержащихся в данных катехизисах вероучительных высказываний и использовавшихся польскими реформатами текстов европейских богословов (преимущественно в форме прямого и завуалированного цитирования) можно предложить следующую, не лишённую некоторого упрощения, схему.

Совершенно очевидно, что до начала 60-х гг. XVI в. в сочинениях польских реформатов преобладало влияние лютеранских текстов, в первую очередь сочинений Мартина Лютера, Урбана Региуса, Йоханнеса Бренца. В несколько меньшей степени это касается текстов Филиппа Меланхтона, несмотря на то, что он пользовался особым авторитетом в Речи Посполитой. Но при этом его сугубо богословские идеи не находили широкого отклика. Данная «лютеранская фаза» была естественной стадией формирования конфессиональной идентичности польских реформатов. Это объяснялось тем, что польскому протестантизму на ранних стадиях его развития был в большей степени присущ универсализм, нежели протестантизму европейскому, где процессы конфессионализации рано приобретают отчётливые черты [Bursche, 1935, 29, 31].

Ранний период распространения идей Кальвина в Речи Посполитой отличается свободой, с какой будущие реформаты относились к его сугубо богословским

построениям. Одним из важных событийных рубежей, за которым происходит изменение вектора влияний, считают возвращение из Европы Яна Лаского; на уровне текстов таким рубежом становятся два песенника с катехетическим материалом 1563 г. (Крулевец; Несвеж), в которых совершенно очевидно влияние представителей швейцарской реформационной мысли. А потому нельзя считать случайностью, что именно в этот период конфессиональные оппоненты будущих реформатов именуют их «цвинглиусами» и «еоколампадиусами», однозначно указывая на влияния идей Цвингли и Эколампада. Несмотря на то, что богословские сочинения последнего в Речи Посполитой в тот период не издавались, они были польским реформатам известны, а некоторые из них даже переводились на польский язык. Так случилось с катехизисом Эколампада, восходящим к концу 1520-х гг. В начале 40-х гг. его текст был отчасти переработан Освальдом Мукониусом и оставался в обращении в Базеле вплоть до конца 1620-х гг. Польский перевод этого текста вошёл в качестве самостоятельного раздела в состав несвижского песенника 1563 г. [Korzo, 2011].

Практически одновременно с проникновением швейцарских влияний можно говорить и о влиянии на польских реформатов сочинений Общины «чешских братьев». Последнее оказалось более продолжительным по времени и более масштабным. Точкой отсчёта можно считать 1555 г. или унию польской ветви Общины с реформатами из Малой Польши. Это событие способствовало распространению среди малополян целого ряда вероучительных памятников и катехизисов, некоторые из которых были переработкой сочинений начала XVI в. пражского епископа Общины Луки. Уния 1555 г. заключалась в первую очередь по тактическим соображениям; но, несмотря на это, польские реформаты обращались к вероучительным построениям Общины и позднее, вплоть до 30-х гг. XVII вв. Такой устойчивый интерес можно объяснить тем обстоятельством, что реформаты и Община постоянно возвращались к идее поиска некоего догматического компромисса; это находило своё практическое выражение в подготовке и издании совместных богослужебных сводов [Tworek, 1971]. Но можно задать вопрос, почему догматический компромисс достигался в первую очередь путём обращения к ранним вероучительным сочинениям Общины, а не на основе, например, сочинений Кальвина [Korzo, 2013]. Примечательно, что полный чешский перевод «Institutio» был сделан уже в 1610-х гг., что говорит об интересе к данному тексту в Общине. Подобного выраженного интереса на польской почве мы не видим.

Для уяснения специфики формирования конфессиональной идентичности польских реформатов значение имеет и вопрос о рецепции ими сочинений самого Кальвина. В литературе данная проблема сводится обычно к перечислению известных переводов Кальвина или писем, которые он писал польским духовным и светским лицам [Wilczek, 2016]. Нам не известно серьёзных попыток вчитаться в сочинения польских реформатов, чтобы уяснить, какие богословские взгляды Кальвина они действительно воспринимали. Осознавая масштабность подобного рода исследовательской задачи, мы ограничимся здесь лишь сюжетом о том, с какими трудами Кальвина могли быть знакомы польские реформаты. Впервые отдельные работы женевого реформатора упоминаются в описаниях частных библиотек около середины XVI в. В одном из таких собраний, принадлежавших краковскому гуманисту Анджею Тшеческому (старшему), фигурируют две работы Кальвина 1543 г. и две – 1549 г.

Достоверно известно, что «Institutio» в редакциях 1536 г. и 1543 г. было в библиотеке Яна Лаского [Detmers, 2009, 166]. Документально подтверждено и знакомство литовского реформата Анджея Волана с данным сочинением [Daugirdas, 2008, 283]. Свидетельством циркуляции труда Кальвина в Речи Посполитой в очень разных конфессиональных средах служат отсылки к нему в сочинениях католиков. Данная тема – обращение к «Institutio» в католических сочинениях разных жанров (от полемических трактатов до погребальных проповедей), когда Кальвин цитируется на польском языке чаще всего в переводе самих католических авторов – заслуживает самостоятельного внимания.

До настоящего времени не было сделано ни одного полного польского перевода «Institutio». В интересующую нас эпоху на польском языке дважды публиковались фрагменты из этого сочинения: в 1599 г. отрывок из 20-й главы 4-й книги

о верховенстве светской власти, а в 1626 г. – из той же 4-й книги о таинствах. В первом случае выбор для перевода именно этого фрагмента может говорить об интересе к Кальвину скорее как к социальному и политическому мыслителю, но не как к богослову, что было вполне закономерно в контексте тогдашнего противостояния в Речи Посполитой высшей знати и королевской власти.

Иначе сложилась судьба катехизисов Кальвина. В своё время удалось найти польские переложения как «Первого Женевского» (1537), так и «Второго Женевского» (1542) катехизисов. «Первый» дошёл до нас лишь в виде фрагмента. Типографский материал позволяет предположить, что он был напечатан до 1556 г. в Крулевце, бывшем в ту эпоху центром лютеранской ортодоксии [Korzo, 2006, 257–259]. «Второй» был опубликован в 1564 г. в Кракове [Korzo, 2012, 192–202]. Несмотря на наличие переводов, мы не располагаем никакими свидетельствами того, что ими пользовались. Молитвы из второго катехизиса попадают около 1563 г. в песенники реформатов, но без указания авторства Кальвина; на протяжении второй половины XVI в. их постепенно вытесняют совершенно иные тексты. Это говорит о том, что от молитв авторства Кальвина отказываются по мере того, как происходит кристаллизация конфессионального сознания реформатов. Если это произошло не случайно, то данный факт весьма показателен.

К середине XVII в. у реформатов сформировался типовой катехизис, который переиздавался практически без изменений во всех песенниках и в большинстве школьных учебников второй половины XVII–XVIII вв. Именно этот текст и был одним из первичных источников индоктринации в реформатских общинах Речи Посполитой. Данный текст является компиляцией из двух ранних сочинений лютеранина Бренца и катехизиса Общины «чешских братьев» с несколько отредактированным в духе Кальвина пониманием Вечери. Из композиционных особенностей катехизиса можно отметить вынесение на первое место Декалога, что было характерной чертой катехизических памятников лютеран и раннего Кальвина. Взаимное расположение данных частей имеет вполне серьёзное богословское обоснование, у позднего Кальвина на первое место выходит Символ веры.

В качестве краткого резюме можно задаться вопросом, что даёт исследователю прояснение терминологии и выявление конкретных источников, положенных в основу вероучительных памятников польских реформатов той эпохи? Использование в польском случае понятий «кальвинист» и «кальвинизм» выносит за скобки и исключает все прочие влияния, которые реформаты испытали в процессе формирования своей конфессиональной идентичности. А род этих влияний, как мы попытались показать выше, сильно разнился. Из сочинений самого Кальвина были позаимствованы лишь некоторые идеи и фрагменты. И если его богословское наследие и было изучено и освоено отдельными реформатами, то это нашло очень слабое отражение в их вероучительных построениях.

Библиографический список

1. Bursche, E. Oddziaływanie luteranizmu na ewangelicyzm w Polsce / E. Bursche // Przegląd Historyczny. – 1935. – Т. XXXII. – S. 24–65.
2. Daugirdas, K. Andreas Volanus und die Reformation im Großfürstentum Litauen / K. Daugirdas. – Mainz: von Zabern, 2008. – 324 s.
3. Detmers, A. Calvins Beziehungen zu Emden und Ostfriesland / A. Detmers // Calvin und seine Wirkungen. Vorträge der 7. Emdener Tagung zur Geschichte des reformierten Protestantismus. – Neukirchen-Vluyn, 2009. – S. 163–169.
4. Ewangelicyzm reformowany w pierwszej Rzeczypospolitej. Dialog z Europą i wybory aksjologiczne w świetle literatury i piśmiennictwa XVI–XVII wieku. – Warszawa: UW, 2015. – 436 s.
5. Korzo, M.A. Jeszcze raz w sprawie nieznanego tłumaczenia Jana Kalwina w Polsce / M.A. Korzo // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. – 2012. – Т. LVI. – S. 192–202.
6. Korzo, M.A. Nota w sprawie nieznanego przekładu Jana Kalwina w Polsce XVI w. / M.A. Korzo // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. – 2006. – Т. L. – S. 257–259.

7. Korzo, M.A. Przyczynek do roli druków bazylejskich w XVI-wiecznym piśmiennictwie ewangelickim Wielkiego Księstwa Litewskiego / M.A. Korzo // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. – 2011. – T. LV. – S. 5–25.
8. Korzo, M.A. “Spis tento Otázek trojciech” Łukasza z Pragi: przyczynek do historii katechizmów braci czeskich i ich roli w piśmiennictwie polskim (XVI wiek – pierwsza połowa XVII stulecia) / M.A. Korzo // *Res Historica*. – 2013. – T. 36. – S. 103–143.
9. Plath, U. Zur Entstehungsgeschichte des Wortes “Calvinist” / U. Plath // *Archiv für Reformationsgeschichte*. – 1975. – Bd. 62. – S. 213–223.
10. Radoń, S. Z dziejów polemiki antyariańskiej w Polsce XVI–XVII wieku / S. Radoń. – Kraków: Universitas, 1993. – 171 s.
11. Selderhuis, H. Calvinism as Reformed Protestantism: Clarification of a Term / H. Selderhuis // *Church and School in Early Modern Protestantism*. – Leiden; Boston: Brill, 2013. – P. 723–735.
12. Sławiński, W. Toruński synod Generalny 1595 roku. Z dziejów polskiego protestantyzmu w drugiej połowie XVI wieku / W. Sławiński. – Warszawa: Semper, 2002. – 326 s.
13. Tworek, St. Starania o ujednoczenia obrządku kalwińskiego w Polsce XVII wieku / S. Tworek // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. – 1971. – T. XVI. – S. 117–140.
14. Wilczek, P. *Polonia Reformata: Essays on the Polish Reformation(s)* / P. Wilczek. – Göttingen: Vandenhoeck et Ruprecht, 2016. – 145 s.
15. Winiarska, I. *Słownictwo religijne polskiego kalwinizmu od XVI do XVIII wieku* / I. Winiarska. – Warszawa: Semper, 2004. – 364 s.

Текст поступил в редакцию 18.03.2018.

References

1. Bursche E. *Historical Review* [Przegląd Historyczny]. Warsaw: Gebethner & Wolff, 1935, vol. XXXII, pp. 24–65 (in Polish).
2. Daugirdas K. *Andreas Volanus and the Reformation in the Grand Duchy of Lithuania* [Andreas Volanus und die Reformation im Großfürstentum Litauen]. Mainz: von Zabern, 2008, 324 p. (in German).
3. Detmers A. *Calvin and his Impacts. Lectures of the 7th Emden Conference on the History of Reformed Protestantism* [Calvin und seine Wirkungen. Vorträge der 7. Emden Tagung zur Geschichte des reformierten Protestantismus]. Neukirchen-Vluyn, 2009, pp. 163–169 (in German).
4. Korzo M.A. *Renaissance and Reformation in Poland* [Odrodzenie i Reformacja w Polsce]. Warsaw: Semper, 2006, vol. L, pp. 257–259 (in Polish).
5. Korzo M.A. *Renaissance and Reformation in Poland* [Odrodzenie i Reformacja w Polsce]. Warsaw: Semper, 2011, vol. LV, pp. 5–25 (in Polish).
6. Korzo M.A. *Renaissance and Reformation in Poland* [Odrodzenie i Reformacja w Polsce]. Warsaw: Semper, 2012, vol. LVI, pp. 192–202 (in Polish).
7. Korzo M.A. *Res Historica*. Lublin: Lublin University Publ., 2013, vol. 36, pp. 103–143 (in Polish).
8. Plath U. *Archive for Reformation History* [Archiv für Reformationsgeschichte]. Berlin: De Gruyter, 1975, vol. 62, pp. 213–223 (in German).
9. Radoń S. *From the History of anti-Arianism Polemics in Poland in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* [Z dziejów polemiki antyariańskiej w Polsce XVI–XVII wieku]. Cracow: Universitas, 1993, 171 p. (in Polish).
10. *Reformed Evangelicalism in the Polish-Lithuanian Commonwealth. Dialogue with Europe and Axiological Choices in the Light of Literature and Writing of the Sixteenth and Seventeenth Centuries* [Ewangelicyzm reformowany w pierwszej Rzeczypospolitej. Dialog z Europą i wybory aksjologiczne w świetle literatury i piśmiennictwa XVI–XVII wieku]. Warsaw: Warsaw University Publ., 2015, 436 p. (in Polish).
11. Selderhuis H. *Church and School in Early Modern Protestantism*. Leiden; Boston: Brill, 2013, pp. 723–735 (in English).
12. Sławiński W. *Toruń General Synod 1595. From the History of Polish Protestantism in the second Half of the 17th Century* [Toruński synod Generalny 1595 roku. Z dziejów polskiego protestantyzmu w drugiej połowie XVI wieku]. Warsaw: Semper, 2002, 326 p. (in Polish).
13. Tworek St. *Renaissance and Reformation in Poland* [Odrodzenie i Reformacja w Polsce]. Warsaw: Semper, 1971, vol. XVI, pp. 117–140 (in Polish).
14. Wilczek P. *Polonia Reformata: Essays on the Polish Reformation(s)*. Göttingen: Vandenhoeck et Ruprecht, 2016, 145 p. (in English).
15. Winiarska I. *Religious Vocabulary of the Polish Calvinism from the Sixteenth to the Seventeenth Century* [Słownictwo religijne polskiego kalwinizmu od XVI do XVIII wieku]. Warsaw: Semper, 2004, 364 p. (in Polish).